

15 ЯНВ 1978

ДАЛЕКАЯ, БЛИЗКАЯ КЛАССИКА

ников, учащихся, бывают французские летчики расквартированного поблизости полка «Нормандия», и все они, как и лежащие в госпиталях и лазаретах раненные, у которых актеры театра почти ежедневно бывают с концертами, а, конечно, мы, артисты, — все

это была не легкая, но увлекательная работа. Надо было от образов волевых и суровых бойцов и командиров, партизан перейти к образам людей мягких, изнеженных, проводящих жизнь в роскошных гостиницах. Надо было от стремительно развивающихся сюжетов воен-

ных почти к полной неподвижности, уничтожить лишние движения, переходы по сцене. Он просил сидеть, мыслить, действовать, чувствовать и выражать своими переживаниями зрителей.

Роль Натальи Петровны поручили Кате Чижовой. Актриса

всклопала им рассказываю прислуживаю им, вы подумали, что я и в самом деле веселый человек. Если бы я в них не нуждался, да я бы и не посмотрел на них».

Режиссером и художником было найдено оригинальное решение оформления четвертой картины. У Тургенева сказано: «Сени, пол каменный, несколько кирпичных облупленных колонн, двери в сад, в коридор, садовая зеленая скамья». И в этих сениях режиссер поставил разбитый, без колес, на одних рессорах экипаж, на уцелевших козлах которого я проходила основная сцена Шпигельского с гувернанткой. Я демонстративно любезно приглашал ее сесть на козлы, сам усаживался рядом и, взяв в руки лежащие тут же вожжи и так же демонстративно делая вид, что мы мчимся на сытых конях, проводил всю свою сцену. Надо не забывать, что мечта Шпигельского была иметь собственную тройку, которую он и получил от богатого помещика Большинова, сосватав ему бедную Верочку.

Несмотря на отдаленность эпохи, несмотря на такую, казалось бы, несозвучность военному времени, спектакль имел большой успех в любой аудитории, шел много-много раз. И до сих пор он вспоминается мне как одно из проявлений душевной бодрости, оптимизма нашего народа.

Н. ФАРИНОВСКИЙ,
заслуженный артист
Латвийской ССР, бывший
актер тульского
драмтеатра.

— Будем ставить «Месяц в деревне», — сказал главный режиссер, когда все были в сборе.

- «Месяц в деревне?»
- Тургенева?
- В такое-то время!

Вопросы, восклицания так и посыпались со всех сторон. Оно и понятно: время-то какое — осень 1943 года. Идет война. Летом отстремели победные бои на Курской дуге, наши войска все увереннее двигаются за запад.

На сцене тульского драматического, как, впрочем, и всех других театров страны, идут спектакли, воспевающие безграничную преданность и любовь советских людей к своей Родине, их несокрушимое мужество и волю к победе: «Русские люди» и «Парень из нашего города» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова. Идут спектакли, напоминающие о героическом прошлом нашего народа: «Давным-давно» А. Гладкова, «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева.

В зале всегда много зрителей: военных, рабочих-оружей-

предчувствуют близость победных радостных дней.

И вот главный режиссер нашего театра М. А. Гершт (ныне народный артист СССР) увлекся идеей переклочить зрителей и актеров на иной, резко противоположный нашему суровому, мужественному репертуару спектаклей, — на лирическую, мягкую комедию сороковых годов прошлого века, жемчужину русской классической драматургии — пьесу И. С. Тургенева «Месяц в деревне».

Нет, конечно, классику мы ставили и в те дни. Не было сезона, чтобы не шел Островский, не шел Горький. Прилежно патристических чувств, вызванных войной, проявился и в естественном повышении интереса зрителей к классическому наследию. Но комедия Тургенева казалась нам все-таки слишком далекой сейчас, неподходящей.

Но режиссеру удалось увлечь всех, удалось доказать нам, что можно и нужно сыграть Тургенева так, чтобы вызвать интерес у зрителей военной Тулы. Скажу прямо:

них пьес перейти к неторопливой текущей жизни среди природы, в богатом имении помещика Ислаева, где «событий» почти не происходит.

— Тонкие любовные кружева, которые так мастерски плетет Тургенев, — говорил нам, участникам спектакля, режиссер, — требуют от актеров особой игры, которая позволяла бы зрителю любоваться причудливыми узорами психологии любящих, страдающих и ревнующих сердец.

«Узоры психологии любящих сердец». Легко сказать! Но как это играть? Как обнажить на сцене души героев настолько, чтобы зрители могли видеть эти души и понимать, что в них происходит? Эту трудную сценическую задачу нельзя было решить обычными актерскими приемами.

— Нужны какие-то невидимые излучения вашей творческой воли и чувства, — говорил режиссер. — Нужны глаза, едва уловимые интонации, психологические паузы.

Он свел до минимума жесты, просил актеров прибег-

са недавно в пьесе Горького «Егор Булычов» играла Глафиру — честную, прямую русскую женщину, полюбившую Егора. С какой искренностью и глубоким чувством восклицала она Булычову: «Не пей! Не пей, горе ты мое! Не губи себя!» Сейчас такую непосредственность, такой «всплеск души» надо было забыть.

Очень трудную задачу пришлось решать Нине Яковлевой. Талантливая актриса, она с огромным успехом играла Шурочку в пьесе «Давным-давно». Убедительному гусару, темпераментному юноше, задиристому мальчишке надо было стать семнадцатилетней тургеневской девушкой. Особенно трудной была сцена, когда беззаботная, веселая девушка превращалась в любящую и страдающую женщину.

Много творческой радости и удовлетворения доставила мне работа над интереснейшей ролью Шпигельского. Как будто забавник, шутник, в какой-то мере «дамский угодник», он говорит гувернантке Елизавете Богдановне: «От того, что я перед чужими дурачусь,